



УДК 93  
DOI 10.23671/VNC.2020.1.56941

## М.И. РОСТОВЦЕВ: «БУРЖУАЗНАЯ» АРХЕОЛОГИЯ В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

А.Л. Чибиров\*

**Аннотация.** Статья посвящена отношению к личности М.И. Ростовцева в Советском Союзе, последующему изменению восприятия его научного наследия и переоценке той роли, которую оказал великий русский археолог и антиковед на российскую науку уже в постсоветской России.

**Ключевые слова:** Ростовцев, Погребова, евразийство, скифы, иранцы.

М.И. Ростовцев – выдающийся русский антиковед, историк и археолог, жизнь и деятельность которого пришлось на стык двух столетий – XIX–XX веков. В контексте этой сложной, драматичной для России эпохи и следует рассматривать его жизненный и творческий путь. Именно в ту переломную эпоху для М.И. Ростовцева настало время тяжелых испытаний и последующей эмиграции, вызванных Первой мировой войной, революцией 1917 года и последовавшей за ней братоубийственной гражданской войной. Духовные искания М.И. Ростовцева за рубежом впоследствии привели его к евразийцам, исходившим из понимания местоположения России на стыке двух континентов – Европы и Азии, что, по их мнению, и составляло ее особенность. Идеи евразийства, несомненно, отразились на мировоззрении ученого. Неудивительно, что там, в эмиграции, М.И. Ростовцев начал сотрудничать с крупными учеными-евразийцами в эмиграции, такими как Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, Н.П. Толль, Д.А. Расовский, которые объединились вокруг семинария академика Петербургской Академии наук, крупного ученого, специалиста в области византиеведения и истории искусства Н.П. Кондакова.

Советская наука 20–30-х годов XX в. относилась к М.И. Ростовцеву крайне негативно. Он был подвергнут ему критике за «буржуазность», за свои «ошибки» и теоретические «заблуждения», отход от диалектического материализма. Причем, конечно же, все это «критиканство» происходило заочно. В качестве примера можно привести следующий эпизод. В 1952 г. в Институте истории материальной культуры АН СССР состоялась конференция, посвященная проблемам скифо-сарматской археологии. В преамбуле отчетной статьи известного археолога Н.Н. Погребовой, в которой говорилось о целях и задачах конференции, было сказано: «Перед советскими археологами, изучающими культуру скифов и сарматов, встала неотложная задача пересмотреть существующие в области

скифо-сарматской археологии положения, выявить чуждые марксизму концепции, вскрыть имевшие место ошибки и обсудить важнейшие вопросы скифологии, назревшие в трудах советских исследователей, но еще далекие от своего окончательного разрешения» [1, с. 3].

Далее в докладе речь велась о языковой принадлежности скифов. Кто они, иранцы? – звучал риторический вопрос. Ответ Н.Н. Погребовой был таков: «В среде историков и археологов до последнего времени по поводу иранства скифов преобладало представление, развитое в трудах М.И. Ростовцева, преувеличивающего значение иранских элементов в культуре скифов. М.И. Ростовцев представлял себе скифов как иранских по языку и культуре завоевателей, поработивших местное население Северного Причерноморья и установивших на широком пространстве Юго-Восточной Европы единую скифскую культуру, в которой скрещивались иранский, греческий и местный элементы» [1, с. 3]. В противоположность «миграционисту» М.И. Ростовцеву был поставлен другой крупный археолог того времени – «автохтонист» А.А. Спицын (1858–1931), который, наряду с В.А. Городцовым (1860–1945), считался одним из основоположников советской археологии. «А.А. Спицын в своих работах, вышедших в первые годы после революции, решающее значение придавал местным элементам, местному генезису и внутреннему развитию скифской культуры и пытался связать отдельные группы памятников скифского времени с конкретными скифскими племенами» [1, с. 3].

Естественно, что критика Н.Н. Погребовой в адрес М.И. Ростовцева – авторитетного, состоявшегося ученого-ираниста и антиковеда – имела характер ангажированности, борьбы с условной «буржуазной» археологией. Кстати, клише «буржуазный» было очень популярным в советской науке. Получалось, что даже археология по сути своей может иметь классовый характер, и было бы вполне

\* Чибиров Алексей Львович – к. и. н., евро директор ВНИЦ РАН (chibiroff@mail.ru).

логично, если бы тогда кому-нибудь пришло в голову ввести понятие «пролетарская» археология. К счастью, никто до этого не додумался. И, тем не менее, критические возражения Н.Н. Погребовой относительно увлечения М.И. Ростовцева древним иранством вообще и скифо-сарматской проблемой в частности свидетельствуют о теоретической гносеологической незрелости ранней советской археологии, признающей концепции мировой науки «чуждыми марксизму» – враждебными. Даже ее заявление о том, что вопросы скифологии «еще далеки от своего окончательного разрешения», говорит о некоей теоретической путанице, ибо процесс научного познания мира бесконечен и безграничен, и, решая одну проблему, ученый неизменно сталкивается с другой, вытекающей из первой и т. д. И ведь права В.Б. Ковалевская, заметившая, что «весь интерес научной работы заключается в том, что ты только приближаешься к истине, но никогда не можешь ее достичь» [2, с. 180].

В контексте вышеозвученного интересна итоговая резолюция конференции 1952 г., и чтобы понять влияние идей М.И. Ростовцева на советскую археологию тех лет, приведем соответствующий фрагмент из статьи Н.Н. Погребовой: «Сторонники так называемого «нового учения» Н.Я. Марра о языке на словах отгораживались от концепции М.И. Ростовцева о кочевниках, господствовавших над населением Северного Причерноморья и принесших с собой один из трех элементов, якобы слагающих скифскую культуру, – «иранский, собственно персидский», и создавших, по мнению Ростовцева, на огромных пространствах единую в основных формах культуру. На деле же сторонниками Марра было переоформлено и часто повторялось ростовцевское понятие о трех скрестившихся здесь культурных элементах (местном, греческом и иранском) и полностью было усвоено понятие об «иранцах-завоевателях», якобы господствовавших над стадияльно ниже стоявшими «яфетическими элементами» [1, с. 15].

Конечно же, вызывают недоумение попытки Н.Н. Погребовой объяснить М.И. Ростовцева горячим сторонником миграционизма в истории. Согласно ей, тезис о большой роли древнего иранства скифов, сарматов, алан М.И. Ростовцевым слишком преувеличен, а роль местных элементов принижена [1, с. 13–15], и хотя, вероятно, это не только личная точка зрения Н.Н. Погребовой, в любом случае попытки эти выглядят слишком категорично.

Итак, концепция М.И. Ростовцева об этнокультурном синтезе на юге России в скифо-сарматскую эпоху на этом официальном форуме археологов 1952 г. была отвергнута как «буржуазная». Однако в 1986 г. в Воронеже вышла монография А.Д. Пряхина «История Советской археологии», в которой эта же концепция М.И. Ростовцева нашла иное понимание сути дела, не обремененное идеологической надстройкой: «По своей сути высокой оказалась предпринятая одним из ведущих отече-

ственных специалистов дореволюционной школы М.И. Ростовцевым попытка целостного рассмотрения античной и скифо-сарматской проблематики. Речь идет о его работах, которые были написаны до революции, но увидели свет уже в советское время. М.И. Ростовцев стремился задействовать весь имевшийся к тому времени комплекс данных, включая предпринятую им попытку систематизировать и провести анализ значительного археологического материала. М.И. Ростовцеву удалось соединить в единое целое изучение греко-римского и скифо-сарматского миров» [3, с. 92].

Это действительно высокая адекватная оценка деятельности великого ученого. Вместе с тем А.Д. Пряхин отмечает некоторые спорные, даже неприемлемые положения во взглядах и убеждениях М.И. Ростовцева. В основу его представлений о скифах лег тезис о единстве их культуры, этноса и территории. Сосредоточив внимание на соотношении иранского и античного миров, М.И. Ростовцев не уделил такого же внимания местному компоненту, то есть «субстрату». Неприемлемым также представляется положение М.И. Ростовцева о Скифии как государстве типа хазарского каганата VII–X вв. или Золотой Орды XIV в. Можно сказать, что в таком большом и сложном труде, как «Скифия и Боспор», ошибки и слабые места, спорные моменты неизбежны и объяснимы состоянием источников. Это особенно актуально для тех, кто занимается древностью. Естественно, что М.И. Ростовцев не мог не видеть разницу между Скифией и Золотой Ордой, и обвинять его в подобной примитивности некорректно. Скорее всего – это просто образное представление, литературный прием и не более того.

М.И. Ростовцев – настоящий, большой ученый-новатор русской историографии XIX в. Его концепция этнокультурного синтеза, из двух и более составляющих компонентов, образующих цивилизации, которую он представил в знаменитой монографии «Скифия и Боспор», конечно же, не нова. К примеру, немецкий историк XIX века, нобелевский лауреат Теодор Моммзен (1817–1903) в пятом томе своего фундаментального труда «Римская история» уже обосновывал эти идеи на материале Римской империи. Следует отметить, что помимо прочего М.И. Ростовцев писал работы и по истории Рима (см. его «Социально-экономическую историю Римской империи», 1926).

Время, прошедшее с той самой злополучной конференции, позволило ученым взглянуть на личность М.И. Ростовцева более непредвзято и объективно. Безусловно, это был широко мыслящий и глубоко эрудированный ученый, его талантом профессионала является историзм мышления плюс трудолюбие и преданность науке. М.И. Ростовцев является крупнейшим историком-иранистом и антиковедом, археологом широкого профиля, участвовавшим как в раскопках сарматских Курганов Прикубанья, так и в раскопах Дура-Европос в Месопотамии. Только его эмиграция на запад, а

также его увлечение евразийством помешали ему считаться одним из основоположников советской археологической науки. М.И. Ростовцев, по нашему мнению, может быть определен как неопозитивист (логический прагматик), хотя это не более чем предположение. Примером такого логического прагматизма можно считать мнение М.И. Ростовцева о том, что Страбон при составлении своей «Географии» мог пользоваться трудами писателей

Северного Причерноморья [4, с. 33 и сл.]. К сожалению, время не смогло сохранить «книги Боспора», относящиеся ко времени первого выхода алан на историческую сцену, но о том, что в I в. н. э. на Боспоре эти труды все же были, свидетельствует прекрасная эпитафия на многоярусном надгробии пантикапейца Стратоника, сына Зенона: «Твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века» [5, с. 100].

#### ЛИТЕРАТУРА

1. **Погребова Н.Н.** Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР, 1952 // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). – М., 1954.
2. **Ковалевская В.Б.** Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – М., 2005.
3. **Пряхин А.Д.** История советской археологии. – Воронеж, 1986.
4. **Ростовцев М.И.** Скифия и Боспор. – Л., 1925.
5. **Цветеева Г.А.** Боспор и Рим. – М.: Наука, 1979.

### M.I. ROSTOVTSSEV: THE «BOURGEOIS» ARCHEOLOGY IN THE REFLECTION OF THE SOVIET REALITY

A.L. Chibirov

PhD, Acting Director VladikavkazScientific Center of Russian Academy of Science, Vladikavkaz, Russia  
(chibiroff@mail.ru).

**Abstract.** The article focuses on the attitude towards M.I. Rostovtsev's personality in the Soviet Union, changing perceptions and the follow-up evaluation of the influence of the great Russian archeologist and antiquity researcher on the Russian science in the post-Soviet Russia. M.I. Rostovtsev had to emigrate from Russia after the Revolution of 1917 and subsequently settled in the USA. In Soviet Russia his scientific activity was heavily criticized in absentia, it was defined as «bourgeois», however during the «perestroika» years there was reevaluation of his personality and works, and also a recognition of his significant role in the formation of the Russian science.

**Keywords:** Rostovtsev, Pogrebova, Eurasianism, Scythians, Iranians.

#### REFERENCES

1. Pogrebova N.N. Sostoyanie problem skifo-sarmatskoy arkheologii k konferentsii IIMK AN SSSR, 1952 // Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii (po materialam konferentsii IIMK AN SSSR 1952 g.). – M., 1954.
2. Kovalevskaya V.B. Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. don.e. – I tys. n.e. – M., 2005.
3. Pryakhin A.D. Istoriya sovetской arkheologii. – Voronezh, 1986.
4. Rostovtsev M.I. Skifiya i Bospor. – L. 1925.
5. Tsvetaeva G.A. Bospor i Rim. – M.: Nauka, 1979.

